

ПЕРВАЯ ССЫЛКА ЕПИСКОПА ЛУКИ В ЕНИСЕЙСКУЮ ГУБЕРНИЮ

Путь из Москвы до Красноярска в тот 1923 год на поезде был долгий и изнурительный. К тому же арестантские вагоны не особенно отвечали требованиям перевозки людей.

Арестантский вагон — это обыкновенный дощатый товарный вагон, предназначенный, скорее, для перевозки грузов и сельскохозяйственных животных, более известный в простонародье как «теплушка».

Наспех сооружённые из нестроганных досок нары, вечно коптившая печка-буржуйка, несколько совершенно крошечных окон, закрытых толстенными ржавыми решётками, — вот и весь комфорт.

Кроме того, вагон был разделён на две части: в одной, больших размеров, находились арестанты, в другой — вооружённый конвой. Нередко на крыше вагона располагался ещё и пулемётчик.

Бывало, что в такой вагон, то есть отсек, набивали до сорока арестантов, большинство из которых до пункта назначения так и не доезжало. Холод, голод, вши и, как следствие, сыпной тиф.

Здесь смерть была обыкновенным явлением и уже никого не удивляла. Были случаи, когда на северных маршрутах, следовавших, например, в Колыму или Воркуту, арестанты вымерзали целыми вагонами.

Когда после долгого следствия комиссия ГПУ вынесла решение о высылке епископа Ташкентского и Туркестанского Луки в Нарымский край, он не сразу понял, куда конкретно его отправляют. Потом уже, на пересыльном пункте в Таганской тюрьме, ему объяснили. Оказалось, в Енисейск.

Утром второго января наконец-то поезд дотащился до станции Красноярск — столицы Енисейской губернии.

Конец долгого и утомительного пути заметно воодушевил арестантов. На их серых, землистых бородатых лицах появились подобия улыбок, слышались матерные циничные шутки, остроты и даже смех. С трудом передвигаясь в общем арестантском строю, недавно перенёсший тяжёлый грипп, епископ Лука вдруг услышал своё имя. Надзиратель распорядился, что, ввиду болезненного состояния осуждённого Войно-Ясенецкого, ему разрешается до Енисейска ехать на конной подводе в сопровождении осуждённого, бывшего протоирея, Иллариона Голубятникова.

Почти четыреста вёрст от Красноярска до Енисейска они преодолели за десять суток. Только в одной деревне, где они остановились якобы только для того, чтобы дать отдых лошадям, пришлось задержаться.

Зная, что епископ Лука, кроме того, ещё и профессор медицины, Илларион Голубятников уговорил его осмотреть одного молодого крестьянина, находившегося в очень тяжёлом состоянии.

— Дайте мне хоть какие-нибудь, пусть даже слесарные, щипцы, — попросил Лука, осмотрев больного.

По всей вероятности, несчастный уже давно, без всякого лечения, болел остеомиелитом. Гной, текущий из открытой раны на плече, говорил об остром воспалении и скором заражении крови. Вот этими щипцами Лука буквально выщипнул поражённую кость и тем самым спас несчастному жизнь.

Когда ссыльный архиерей Лука прибыл в Енисейск, о его необычном хирургическом методе были наслышаны уже все жители небольшого городка. И когда на следующий день Лука отправился в больницу узнать график своей работы, его встретила толпа людей, желающих попасть к нему на приём.

Отец Валентин, как попросту называли Луку близкие ему люди, вспоминал, как на другой день по приезде в Енисейск он вечером зашёл в местную больницу. Заведующий

больницей, молодой врач Василий Александрович Башуров, как раз готовился к экстренной операции.

Валентин Феликсович представился, назвавшись профессором медицины Ташкентского университета, и попросил позволить ему провести эту операцию.

Ошарашенный доктор, уже прослышавший о том, что в городе появился какой-то ссыльный «профессор в рясе», смущённо уступил ему место у операционного стола, с удивлением наблюдая за мастерством опытного, с мировым именем, хирурга.

В этот вечер профессор сделал ещё несколько операций — и все блестяще и превосходно.

Как-то во время обеда у одного енисейского партийного функционера по поводу удачно проведённой операции его дочери сидевший рядом с Войно-Ясенецким доктор Башуров признался:

— Вы меня, профессор, напугали тогда, в первый раз. Вы так лихо махали скальпелем, что я пожалел, что доверил вам жизнь больного. Но теперь я верю в ваши приёмы.

— Это, батенька мой, не мои приёмы, — возразил тот, — это приёмы хирургии. У меня настолько натренированы пальцы, мой юный друг, что если вы мне дадите книгу и скажете прорезать скальпелем, например, семь страниц, я и прорежу не шесть и не восемь, а именно семь.

Этот разговор был услышан другими участниками застолья. Тут же принесли книгу и даже схитрили: это была книжечка папиросной бумаги, предназначенной для сигарок.

Войно-Ясенецкий взял книжечку, ухмыльнулся, ощупал бумагу, проверил остроту скальпеля и размашисто чиркнул им по книжке. Пересчитали рассечённые скальпелем листочки — их оказалось ровно семь, как и уговаривались.

После нескольких удачно сделанных Лукой операций к нему хлынули больные не только из города, но и из окрестных сёл и деревень.

И всё бы ничего, но местное начальство, пристально наблюдавшее за ссыльным Войно-Ясенецким, было недовольно.

Их раздражала не столько растущая популярность профессора как медика и хирурга, заслуженно снискавшего всеобщую любовь и уважение. Нет. Скорее, они были обеспокоены тем, что профессор устраивает в свободное от основной работы время религиозные проповеди, активно вмешивается в общественную жизнь города; читает для простого народа лекции, проводит встречи с прихожанами, отвечая на весьма щекотливые и провокационные вопросы, касающиеся не только религии, но и внутренней политики государства.

И вот, во избежание неприятностей, от Войно-Ясенецкого решили отделаться, отправив «профессора в рясе» в ещё более глухое место — в деревню Хая, что на реке Чуне, притоке Ангары.

Лука возразить на это ничего не мог, так как место его пребывания в ссылке определялось уполномоченным ГПУ. Но на приток Ангары, в неизвестную деревню Хая, ехал не один. Его, кроме протоиреев Голубятникова и Андреева, сопровождали ещё две монашки- послушницы — Лукия и Валентина.

В этой деревне Лука вместе со своими помощниками пробыл чуть более двух месяцев, всё так же занимаясь медицинской практикой и просветительской деятельностью.

Но что-то, видимо, опять пошло не так, и в июле 1924 года из ГПУ пришёл приказ, в соответствии с которым Лука вместе со своими помощниками обязан был вернуться обратно.

Через две недели пути Войно-Ясенецкий с группой своих единомышленников наконец-то прибыл в Енисейск, где немедленно был препровождён в тюрьму и помещён в одиночную камеру.

Тюремное заключение, особенно в одиночной камере, всегда действует на человека удручающе и гнетуще, но, к счастью, долго просидеть в тюрьме ему не пришлось. Через неделю епископ, вместе с такими же арестантами, был помещён в одну из барж каравана, следующего по Енисею в Туруханск.

Очевидцы рассказывали, что, когда профессор сходил в Туруханске на берег, толпа людей опустилась на колени, прося его благословения. Слава о его таланте с такой поразительной быстротой опережала его, что казалось, словно кто-то специально распространяет о нём добрые вести.

К величайшему удивлению профессора, здесь его с нетерпением ожидали и местные начальники.

Как оказалось, в туруханской больнице не было даже врача, только фельдшер, да ещё молоденькая медсестра, прибывшая из Красноярска этим же пароходом, — а тут сразу известный врач, да ещё профессор с мировым именем.

Конечно, местные партийные деятели никак не могли смириться с тем, что профессор Лука благословляет больных в больнице, крестит их перед операцией, а для поездок на богослужения в мужской монастырь, согласно архиерейскому сану, ему подают подводу, покрытую коврами.

Один из руководителей Туруханского краевого совета приглашал епископа на беседу и вместе с уполномоченным ГПУ увещевал его и даже угрожал.

— Ты что, поп, всерьёз считаешь, что Бог есть? — издевательски улыбался чиновник, сидя, развалившись, на стуле и презрительно взирая на стоящего перед ним епископа. — Тебе, поп, народ лечить никто не запрещает, а вот крестить и благословлять в казённой больнице не смей. Да и замашки свои барские брось: ишь чё задумал — в церковь на коврах ездит, как граф какой.

— Вы, господин хороший, — отвечал Лука чиновнику, — повесьте на дверях больницы своё распоряжение, запрещающее мне благословлять людей, а также запретите им подавать мне сани, усталые коврами. А что касается вашего вопроса, есть ли Бог, то к кому же вы возопили и зывали, уважаемый, когда наемднн попали в страшную бурю на Енисее? Ведь вы же тогда только чудом спаслись, — усмехнулся профессор.

Такой факт действительно был и произошёл совсем недавно. Свидетелей тому было множество. Тогда все, кто вместе с краевым начальством переправлялся с

противоположного берега, попали в дикую грозу и ужасный по силе своей ураган. Волны на реке вздымались выше человеческого роста, и все пассажиры полузатопленного дощаника, считая, что пришёл всем им конец, молились Господу Богу.

Как потом оказалось, это ироническое замечание для Луки даром не прошло.

Буквально через неделю, утром, когда профессор, как всегда, в окружении целой гурьбы хворых и страждущих шёл к больнице, его остановил уполномоченный ГПУ.

— Собирайся, поп, высылают тебя дальше. На Ледовитый океан поедешь, — и, презрительно рассмеявшись, пошёл прочь, насвистывая и покуривая сигарку. — На сборы полчаса тебе даю, — вдруг обернулся он.

— Вы, ваше преосвященство, поторопитесь, пожалуйста, — шепнул ему милиционер, назначенный для сопровождения. — Нам бы только побыстрее отсюда уехать, чтоб здесь глаза не мозолить, а дальше мы потихоньку поедем. Дорога-то неблизкая.

Лука с благодарностью и сожалением кивнул молоденькому милиционеру. По всему было видно, что парень с великой неохотой вынужден покидать родной дом, но что поделаешь — служба. И пошёл собирать свои нехитрые пожитки.

«Вот уже и год прошёл. Как там дети?» — думал Валентин Феликсович, сидя на нартах и кутаясь в старенький тулупчик, предоставленный ему добрым и услужливым конвоиром Мишкой.

Ещё в Таганской тюрьме, год назад, он впервые почувствовал первые признаки проявления сердечного заболевания: одышка, слабый учащённый пульс, аритмия. Профессор понимал, что это осложнение после его недавней болезни.

Пребывая в общей камере тогда ещё Бутырской тюрьмы, где при полной антисанитарии находилось почти полсотни арестантов, он тяжело переболел гриппом. И вот теперь, путешествуя по льду замёрзшего Енисея, где пронизывающий ветер и колючий мороз пробирали до

самых костей, Лука снова почувствовал надвигающиеся приступы миокардита.

«Тогда я, находясь в очень тяжёлом состоянии своего здоровья, реально ощущал присутствие рядом с собой Господа Бога Иисуса Христа, поддерживающего и укрепляющего меня», — напишет Лука потом в своём дневнике.

— Ну вот, ваше преосвященство, мы и приехали, — как-то вечером почти весело объявил милиционер Мишка. — Замёрзли, поди? Ничего, сейчас согреемся.

— Что это, Михаил? — Лука с недоумением огляделся.

— Это станок, Плахино называется. Здесь отбывать наказание будете, Валентин Феликсович. А дальше, — он махнул в сторону рукой, — я ещё никогда не ездил и что там дальше, совсем не знаю.

Оказалось, что милиционеру было приказано отвезти ссыльного Войно-Ясенецкого как можно дальше на север, ближе к океану, и оставить там. «Сдохнет так сдохнет. Туда ему и дорога. Посмотрим, спасёт его Бог или нет», — злобно заметил один из уполномоченных, напутствуя милиционера, и захохотал, довольный своей шуткой.

Плахино назвать населённым пунктом можно было только с большой натяжкой. Там было всего лишь три избы и ещё пара каких-то землянок. Все постройки утопали в сугробах, и только по жиденьким струйкам дыма можно было предположить, что это жильё.

В самый большой дом, в который вошли епископ Лука со своим конвоем, тут же набились все немногочисленные жители этого заснеженного, заброшенного в безмолвии северной Сибири посёлка.

И снова Лука был поражён. Он не понимал, каким образом жители этого Богом забытого станка были осведомлены о его приезде.

Все жители ему низко поклонились, а бородатый, совсем ещё не старый кряжистый мужик — как потом оказалось, председатель станка, — сказал:

— Ваше преосвященство! Не извольте беспокоиться, мы для вас всё сделаем, — он по очереди представил

епископу каждого жителя поселения. — Каждый мужик нашего станка будет поставлять вам полсажени дров в месяц. Вот Марфа будет вам готовить, а Алёна стирать. Не извольте даже беспокоиться, ваше преосвященство. Отдыхайте.

После этого епископ Лука благословил всех жителей станка, и они ушли. Конвоир — милиционер Мишка — тоже, невзирая на поздний час, торопился уехать, чтобы переночевать на торговой фактории у своих знакомых, и молча, в крайнем смущении, переминался с ноги на ногу у входных дверей. По всему было видно, что он не снимает с себя вины в том, что увёз и оставляет столь почтенного учёного священника в таких сложных жизненных условиях.

Епископ, за время очень нелёгкого и дальнего путешествия уже успевший привыкнуть к доброму и простому парню и чтобы показать, что не держит на него зла, благословил, обнял и поцеловал своего конвоира.

— Куда же ты на ночь, Миша, собрался-то? — только и спросил его уставший Лука. — Ведь темно уже на дворе.

— Ничего, ваше преосвященство, — ответил, улыбаясь, Мишка, — олени свой путь знают, сами довезут.

Оставшись, наконец, один, Лука оглядел своё жилище, где ему предстояло какое-то время жить. Комната, по северным меркам, была отнюдь не маленькой, что в этих условиях скорее было минусом, так как натопить её было совсем не просто. Два крошечных окна комнаты пропускали очень мало света, наружные рамы были вовсе без стёкол, а вместо них были вморожены льдины. Стены комнаты плохо проконопачены, то там, то сям были большие щели, а в углу комнаты даже лежала спрессованная куча снега, вторая такая же куча лежала у порога, возле двери.

Железную печку приходилось топить почти целые сутки, а спать на нарах в ворохе оленьих шкур, укрывшись енотовой шубой — подарок местных аборигенов. Иногда, чтобы умыться, приходилось ломать лёд в ведре с водой.

— Что за шум был ночью, как будто гром гремел? — поинтересовался епископ у мужиков, которые утром привезли ему дрова.

— Это не гром, — рассмеялись мужики, — это лёд на Енисее трещит. От мороза.

Морозы в ту зиму были действительно страшные. За те два зимних месяца, которые епископ Лука прожил за полярным кругом, в Плахино, ему только один раз удалось увидеть сидевшую на кустике маленькую розовую птичку. На вопрос, что это за пичужка и почему здесь вообще так мало птиц, мужики только пожимали плечами.

— Снегирь это, — ответил ему председатель, как более грамотный и толковый во всём поселении. — Вороны и даже воробьи здесь зимой не живут. При таком холоде они замерзают на лету и камнем падают на землю.

Иногда мороз спадал, но тогда начинался ветер. Он был не сильный и не порывистый, но непрерывный и леденящий и дул строго с севера. Как говорили здешние жители, «сивир потянул».

Все два месяца пребывания профессора в Плахино вся его деятельность, умственная и физическая, была направлена только на одно — на выживание.

Наконец в марте 1925 года, в начале Великого поста, неожиданно-негаданно прислал Бог епископу Луке избавление. Как-то под вечер в Плахино приехал нарочный с письмом от краевого уполномоченного ГПУ, в котором епископу в весьма вежливой и приличествующей его сану форме предлагалось вернуться обратно в Туруханск.

Причину такого внезапного «потепления» со стороны уполномоченного по отношению к нему Лука узнал, только вернувшись в Туруханск.

Всё оказалось банально просто. Заболел туруханский крестьянин, ему требовалась срочная операция. Такую операцию, по словам фельдшера, мог сделать только профессор Войно-Ясенецкий, но он был на поселении в Плахино. Возмущённые жители, многие из которых тоже нуждались в качественной медицинской помощи, вооружившись вилами,

топорами и косами, устроили погром в помещении краевого совета и ГПУ. Перепуганные власти срочно послали гонца за полярный круг, в Плахино, к Войно-Ясенецкому.

Когда Валентин Феликсович добрался наконец-то до Туруханска, он был приветливо встречен всё тем же уполномоченным ГПУ, который всего три месяца назад готов был просто убить его, полыхая злобой и ненавистью.

И, несмотря на то, что бедный крестьянин, не дождавшись приезда профессора, так и умер в больнице, отношение начальства к нелояльному властям епископу не то чтобы изменилось, просто они старались не замечать, как Лука продолжал благословлять народ, как продолжал проносить рискованные проповеди и ездить в монастырь на богослужение всё в той же подводе, устланной коврами.

Через год у Войно-Ясенецкого заканчивался срок его туруханской ссылки. С низовьев Енисея поднимались последние караваны судов, вёзшие в Красноярск многочисленных арестантов, чьи сроки подходили к концу, так как зимой выбраться с Севера было крайне проблематично.

С грустью провожал их взглядом Лука и продолжал молить Бога о скорейшем своём освобождении.

То ли от переохлаждения, то ли от недостатка витаминов и скудного питания, но у епископа внезапно появилась трофическая язва на голени, сопровождаемая опухолью и нешуточным воспалением. Профессор, понимая, чем это чревато без надлежащего лечения, обратился к местному начальству с просьбой отправить его в Красноярск.

Последний пароход уже прошёл мимо Туруханска, и Луке пришлось ждать ещё целый месяц, чтобы отправиться в Енисейск по санному пути.

К большому удивлению епископа, на всём протяжении его пути, в каждом селе, где была церковь, его встречали колокольным звоном, как того требовал его сан. Словно впереди его неслась какая-то неведомая никому сила, сообщающая всем о визите архиерея.

Нередки были случаи, когда к епископу подходили люди, которым он ранее делал операции. Некоторых он

узнавал с трудом, настолько они изменились, став вполне нормальными, здоровыми людьми.

Через полтора месяца Войно-Ясенецкий наконец-то добрался до Красноярска. При посещении епископа Амфилохия Лука обратил внимание на его келейника, слепого на один глаз монаха Мелетия. Лука осмотрел его и тут же предложил сделать ему оптическую иридоэктомию. Наслышанный об успехах Луки в области глазной хирургии монах, не колеблясь, согласился.

Поглазеть на чудо в операционную набилась большая толпа местных врачей, так как ранее такие операции делали только за рубежом. Лука не только блестяще провёл редкую операцию, но подробно, пошагово объяснял весь происходивший процесс — от анестезии до наложения швов и бинтов на оперированный участок.

Уже когда профессор в окружении молодых хирургов выходил из операционной, к нему подошли чекисты и попросили проехать с ними.

Один из высокопоставленных сотрудников ГПУ внезапно заинтересовался, куда Войно-Ясенецкий желал бы отсюда уехать.

На недоуменный вопрос Луки:

— А разве я свободен в своих действиях? — начальник без улыбки ответил:

— Да! Вы свободны. Только уезжайте отсюда как можно

скорее, — добавил он. — Вас сейчас проводят и посадят на поезд. Назовите только город, чтобы вам купили билет.

И снова он не переставал удивляться. На вокзале его ждала огромная толпа народу, пришедшая проводить почитаемого всеми епископа.

Уже садившегося в пассажирский вагон епископа вдруг громко окликнули из толпы:

— Ваше преосвященство, благословите!

Перед ним стоял взволнованный милиционер Мишка. Лука благословил его и снова, как тогда в Плахино, обнял и расцеловал.

В городе Енисейске помнят неугомонного иерарха, причисленного к лику святых священноисповедников Русской православной церкви, и талантливого, выдающегося врача, хирурга, профессора медицины Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого.

В монастырском парке в 2022 году, по инициативе главы города Никольского Валерия Викторовича, архиепископу Луке установлен памятник. Его святой образ воплотил в бронзе красноярский скульптор Константин Мелатдинович Зинич.

Фото Анастасии Калачевской

Об авторе:

Владимир Дмитриевич ОКОРОКОВ — автор семи книг в электронном и бумажном вариантах. Член Российского географического общества. Печатается на сайтах «Проза.ру», «Яндекс.Дзен».